Право и закон как необходимые составляющие механизма обратной связи

Н.М. Казанцев

Не перестаешь удивляться тому, как гуманитарии истолковывают смысл обратной связи, открытой и определенной еще Норбертом Винером, а затем — Уильямом Россом Эшби и другими более современными учеными. Они трактуют это понятие совершенно не в том смысле, в каком оно понимается кибернетикой как наукой об управлении и связи в животном и машине (определение Н. Винера). Более того, гуманитарная доктрина обратной связи такова, что не может быть полезна для практического осуществления управления теми системами, о которых идет речь в гуманитарных науках и которые имеют жизненно важное значение, — от собственно управления в любом живом организме, включая человеческий, до управления большими техническими системами при полетах в космос или летательными аппаратами в атмосфере. Опережая аргументы, постулируем, что неприятие кибернетической доктрины обратной связи отечественной гуманитарной мыслью имеет доктринально-цивилизационное происхождение.

Даже если мы с вами нарисуем из учебника по теории автоматического управления схему, мы увидим, что, скажем, доклад подчиненного начальнику, не имеет никакого отношения к обратной связи в управлении.

В кибернетике есть такой тривиальный рисунок черного ящика с входом и выходом. Черный ящик — это управляемое явление, осуществляющее процесс преобразования входящих в него ресурсов и событий в исходящие из него продукты и новые, уже порожденные им события совершения действий, вступления в отношения, пребывания или изменения пребывания в состояниях. Обратная связь — это связь причинности между выходящими и произведенными процессами черного ящика (продуктами и событиями) и поступающими в него ресурсами и событиями. Эта связь осуществляется так называемым регулятором, который гуманитарии называют субъектом управления. Регулятор на основе данных выхода процессов черного ящика определяет безусловно происходящие изменения ресурсов и событий, поступающих на вход черного ящика.

В гуманитарных или общественных или политических системах обратные связи устанавливают право и закон. Если совершено преступление — скажем, получена взятка, о которой стало известно, — то следствие собирает доказательства наличия события преступления, факта вины и сознательности деяний конкретных лиц, которых и привлекают к суду, а затем приговаривают к наказанию.

Поэтому доклад управляемого или подчиненного своему начальнику есть необходимое, но вовсе не достаточное условие для обратной связи. А необходимое — всегда недостаточно.

Всю обратную связь целиком осуществляет только субъект управления. И поступление первичной информации от подчиненных организует он же. Информирование управляющего управляемым — это еще не все, это лишь начало возможной, но вовсе еще не действительной обратной связи. Причем такое начало, которое может вовсе не осуществиться в виде обратной связи. Почему? Потому что здесь не сказано главное — о детерминированном характере этой связи управления. Информация управляемого должна повлечь исполнение управляющим субъектом обязанности по изменению входящих потоков ресурсов и событий. С точки зрения системного подхода представляется возможным выделить четыре группы вопросов: кто, с кем, как и по поводу чего вступает в отношения прямых и обратных связей.

Эта связь управления в технической системе, начиная с первого регулятора в паровой машине Уатта (там была механически простая обратная связь: если возрастает скорость вращения шаров, увеличивается центробежная сила, которая поднимает золотник и перекрывает поступление или выпускает пар). Современные электронные системы управления регулируют объектные процессы через точно такое же однозначное и детерминированное воздействие, но при учете множества различных факторов, которые необозримы для человеческого мышления. Эта необозримость и неосознаваемость деталей и факторов управления — например, полетом самолета — дает ложное впечатление о стохастическом характере управления.

Именно поэтому кибернетическое управление достигает своих целей. Полет ракеты действительно зависит от скорости ветра и т.п. Но тем не менее ее ориентируют на определенную точку; и если ракета отклоняется больше определенной величины, ее уничтожают, т.к. она летит не туда. Точно так же может осуществляться любое другое управление. Когда мы изучаем управление с помощью гуманитарного мышления, что мы видим и что стремимся понять — действительные связи управления или некий миф? Гуманитарное мышление, не будучи способно своими методами познать действительные связи управления, создает миф о стохастичности и случайности процессов управления и предусматривает возможность для субъекта управления не реагировать на сигналы от управляемых субъектов и процессов, полагая что такая независимость управляющего есть его власть над управляемыми.

По мнению апологетов этой догмы, такая обратная связь предполагает, что не только управляющий управляет управляемым, но и наоборот, управляемый управляет управляющим, и это, мол, противоречит сути управления. Как раз наоборот: если нет такого взаимного управления, то и нет управления вообще, а есть нечто иное, сугубо технократическое оперирование управляемым как неодушевленной вещью или по меньшей мере манипулирование ею. Следовательно, при таком управлении нет общества, а значит, нет права и закона.

Думается, что гуманитарное мышление выполняет другую важную социальную функцию — оно создает социальные мифы, которые тоже являются средством управления. Оно осуществляет мифологизацию действительности

управления, а не способствует действительному пониманию управления. Из гуманитарных наук право и закон действительно налагают на управляемый объект обратную связь. Например, нормы закона вместе с уголовным или административным кодексом, — т.е. ты заключил сделку, договор, получил деньги, деньги не вернул — значит, соответственно, суд (не в России, конечно), и к тебе по решению суда применяют и уголовные санкции, и гражданские.

В России это не обязательно происходит. Более жесткое управление, конечно, есть. Вот смотрите, 20 лет идет постоянное вымирание населения. Есть ли здесь связь между управлением и достижением цели управления демографическими процессами? Думаю, что есть, и поэтому эта цель осуществляется именно таким детерминистским способом. Что здесь происходит? Происходит вымирание тех людей, которые не ведут себя как гомо экономикусы; они экономически неэффективны и потому экономически излишни. Вот это управление, здесь установлена обратная связь. Она сложная, осуществляется через большое количество субъектов власти и распределение денег, и она управляет всем развитием народа, его движением в какое-то будущее. Это обратная связь стратегического управления. Она не операциональна и надоперациональна, поскольку невозможно проследить всю цепочку причинных событий, образующих такую связь. Это так называемая отрицательная обратная связь, если ее понимать как связь между приростом капиталов и отрицательным приростом населения. Исследовать эти обратные связи надо, и надо стараться их понимать. Но это очень трудная задача, чтобы ее рассмотреть всю целиком. Такого рода стратегически отрицательные обратные связи возможны потому, что не обеспечивается систематически положительный характер тех, обратных связей, которые операциональны, которые осуществляются конкретными действиями людей, уполномоченных на осуществление властных и правоприменительных функций и которые могут быть отслежены по последовательности совершаемых ими действий и происходящих вследствие этих действий событий.

В явном виде обратные связи формируются правом и законодательством. Тогда мы видим диспозицию нормы, варианты поведения, гипотезу и санкции за нарушение диспозиции. Вот здесь возникает обратная связь и возникает связь последствий ваших действий с вашим будущим состоянием, в котором вы окажетесь. Кто-то совершил незаконный поступок, в результате этого он вынужден платить штраф или сидеть в тюрьме. Это, конечно, лишь в том случае, если установлена положительная обратная связь. Но если коррупция государства искажает такую связь и делает ее отрицательной, то, наоборот, лишь тот, кто совершит существенное преступление, оказывается удостоенным должностного продвижения и делает карьеру в коррумпированном государстве.

Конечно, по мере углубления коррупции нарастает такого рода детерминизм. Но детерминизм обратных связей есть всегда в любом обществе, вне зависимости от того, организовано ли ими позитивное государственное управление, имеется ли у такого общества позитивное право или нет. И имеется иное: право, узаконивающее любые действия людей власти, любые обратные связи — как положительные, так и отрицательные.

Я говорю о праве в отличие от закона. Дело в том, что право и закон — это разные вещи. У нас с советского времени принято считать, что закон и право —

это одно и то же. Но это не так. В теориях о государстве и протогосударстве ученые-правоведы из международного сообщества говорят, что большинство государств современного мира государствами не являются, хотя они и субъекты международного права; они только протогосударства, потому что они не обеспечивают верховенство права и закона. Это во-первых. Во-вторых, в протогосударствах правительства не обеспечивают социально-экономического развития своего народа — это американская концепция. И в-третьих, в федеративных протогосударствах не обеспечены достаточный централизм и единство правоприменительной практики, не обеспечены единство права для всего народа и равенство перед ним любых граждан.

В моем определении право — это правила применения законов. Этим право отличается от закона. По этому определению мы и воспринимаем реальность. Законы одни, а правила их применения, которые действительно соблюдаются, могут быть совершенно другими. Эти правила применения законодательных норм могут предусматривать, что одни нормы не применяются вообще, другие — лишь за плату, т.е. за взятку, а третьи применяются противоположным своему смыслу образом.